

Изобразительный ген

Новые известия. 2001. — 13 окт. — с. 7

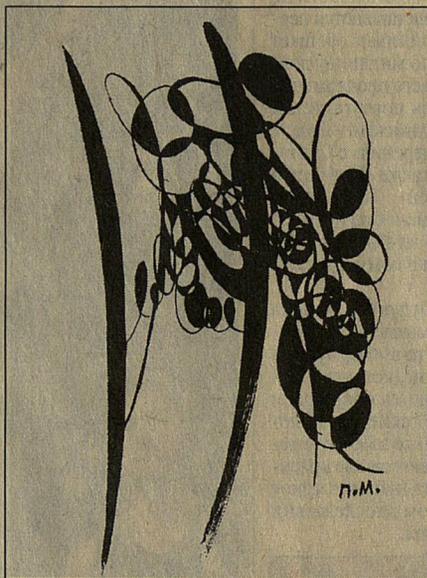
«Митуричи – Хлебниковы.
Четыре творческих портрета»
в Третьяковке

Дмитрий СМОЛЕВ,
для «Новых Известий»

Заглавие выставки не оставляет простора для догадок и версий насчет списочного состава. Если четверо, то это наверняка основатели художественной династии Петр Митурич – Вера Хлебникова, их сын Май Петрович и внучка Вера Маевна. Могли бы добавить примкнувших и продолживших, но решили остановиться на трех коленах.

Еще одним, незаявленным героем выставки стал выдающийся родственник экспонентов Велимир (Виктор) Хлебников. На «творческий портрет» замахиваться не стали, но, памятуя о всемирно-историческом значении, а также об исключительном влиянии на семейные хроники, посвятили поэту отдельную витрину. Под стеклом разместились кое-какие реликвии: юношеский карандашный эскиз на тему гипсовой руки, портрет Таглина внутри рукописи, несколько листов, испещренных загадочными письменами, математическими выкладками и странными фразами вроде «река Востока» или «горе Западу»...

Под гипноз хлебниковских пророчеств и озарений попадали многие, и одним из самых верных поклонников был Петр Митурич. Восхищался, иллюстрировал, пытался переложить идеи на изобразительный язык. Образцы «пространственной графики», реконструированной сыном Маем несколько лет назад, соседствуют с реалистическими рисунками. Будто бы парадокс, но следует иметь в виду, что Митурич никогда не был копировщиком природы. Он бесконечно теоретизировал, сопрягал художественные образы с научными представлениями и противился модернизму с позиций будущего, а не прошлого. Хлебникова называл своим главным и единственным учителем, потому его смерть произвела сильнейшее потрясение в душе художника. Земной шар лишился своего первого председателя в деревушке Санталово, куда Митурич вы-

Петр Митурич. К стихам Велимира Хлебникова. 1922–1924 гг.

ез друга, страдающего от персидской лихорадки, «на молоко». В выставку включены знаменитые рисунки, изображающие Хлебникова в агонии и на смертном одре, – жесткие, трагичные, переводящие волну чувств в протокольное русло.

Петра Митурича не без оснований считают одним из лучших русских рисовальщиков XX века, и вполне логично, что под его работы отведена самая большая часть экспозиции. Кроме очевидных шедевров – карандашных и тушевых портретов, будоражащих душу пейзажей без всяких романтических красот и достопримечательностей, – можно видеть плоды технической мысли. Художник был одержим изобретательством, пытаясь создавать принципиально новые транспортные средства. Предвосхищая проблемы бионики, занимался у живой природы способы передвижения по земле, воде и воздуху. Модели аппа-

ратов-«волновиков» могут вызвать сейчас улыбку, но до сих пор никому не доказано, что митуричевские опыты были в корне ошибочными.

Уже после кончины Велимира его адепт познакомился с младшей сестрой поэта, Верой. Живописный дар своей жены Митурич ценил крайне высоко, и можно наглядно убедиться, что делал он это не из соображений семейной лести. Вера Владимировна сохранила символистскую заваску, работала в сближенных колоритах, и вещи ее всегда оставались предельно изысканными, пусть даже изображала она закопченные чайники или сохнущее на веревке белье. По воспоминаниям Мая Митурича, знаменитого книжного иллюстратора, в семье всегда с пietetом говорили именно о живописи, потому свой собственный раздел он ограничил холстами, назвав подборку несколько высокопарно, но трогательно «отчетом перед родителями». Родителям было бы не стыдно, хотя самых значительных успехов Май Петрович достиг все же на графическом поприще.

Младшая Вера довольно давно приобщилась к концептуализму, и теперь перед нами дайджет нескольких проектов. «Женщина, занимающаяся искусством, жипл. обеспечена, 1 реб., 1 собака, сделала эту книгу из газетных объявлений» и т.п. Коллажи из старых писем, квитанций и фотографий, постмодернистские опыты вроде настольной игры «Русский портрет» (к цитатам из Гоголя, Достоевского и Тургенева следует подобрать типажи из распыленных на части старинных портретов), однотипные шелкографские серии – скажем, незбытый опус «2000 марок», воспроизводящий огромную коллекцию почтовых знаков к 300-летию Дома Романовых. Экспонаты слишком культурны и сентиментальны, чтобы стать значительной вехой в истории концептуализма, и чересчур концептуальны, чтобы рассматривать их в отрыве от других образцов «московской школы». Но тоже явление, заслуживающее отображения на семейном портрете. Элитарный художественный клан отчитался о проделанной работе. Массового паломничества не предвидится, но понимающая публика придет обязательно.